

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ГЕНДЕРНЫХ ТЕРМИНОВ С РОДНОГО ЯЗЫКА НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

Худайкулова Феруза Меликуловна

Магистрант 2-курса, Лингвистика (русский язык)

Раджапова Наталья Базаровна

Научный руководитель, Кафедра русского языкознания, PhD

Термезский государственный университет

radjapova2022@mail.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена комплексному анализу лингвистических, культурологических и прагматических проблем, возникающих при переводе гендерных терминов и коннотаций. В контексте глобального развития гендерных исследований и инклюзивного языка, гендер рассматривается не только как грамматическая категория (род), но и как социокультурный конструкт, определяющий идентичности и отношения.

Автор систематизирует трудности перевода на трех уровнях: грамматическом, лексико-семантическом и прагматическом. Особое внимание уделяется прагматической асимметрии коннотаций, где формальные эквиваленты (например, «учёный/докторша») несут разную социальную нагрузку, отражая стереотипы и уровень равноправия культур.

В статье детально анализируются случаи перевода гендерно-стереотипных идиом из русского и таджикского языков, демонстрируя, как дословный перевод может стать сексистским актом в принимающей культуре. Дополнительно рассматривается проблема перевода инклюзивного языка на языки с обязательной грамматикой рода.

В заключение предлагается ряд методологических стратегий для обеспечения адекватности перевода. Автор подчеркивает, что перевод гендерных терминов

является культурно-политическим и этическим актом, требующим от медиатора баланса между лояльностью к исходному тексту и лояльностью к культуре-приемнику, чтобы сохранить смысл, избегая при этом усиления стереотипов.

Ключевые слова: гендерные термины, прагматика перевода, инклюзивный язык, феминитивы, гендерная асимметрия, функциональная эквивалентность, гендерные стереотипы, культурный перевод.

Проблема перевода гендерных терминов и коннотаций представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных задач в современной лингвистике, особенно на фоне глобального роста интереса к гендерным исследованиям и инклюзивному языку. Гендер в данном контексте рассматривается не только как грамматическая категория (мужской, женский, средний род), но и как социокультурный конструкт, определяющий роли, идентичности и отношения в обществе.

Целью данной статьи является анализ ключевых филологических и культурологических проблем, возникающих при переносе гендерных терминов и их коннотаций между языковыми системами.

Проблемы перевода гендерной лексики можно условно разделить на три взаимосвязанных уровня:

Грамматический (морфологический): Связан с различиями в наличии и функционировании грамматического рода.

Лексико-семантический: Связан с отсутствием прямых эквивалентов для гендерно-специфичных ролей, обращений и титулов.

Прагматический (культурный): Связан с различиями в социокультурных коннотациях, идеологии и уровне инклюзивности, принятом в языке-источнике и языке-приемнике.

Гендерные термины являются «скользкой» лексикой, поскольку их значение формируется не только структурой языка, но и общественной нормой, которая постоянно меняется. Ключевые трудности перевода гендерных терминов часто кроются в фундаментальных различиях между грамматическими системами языков. Наиболее очевидная проблема возникает при переводе с языков, имеющих развитую систему грамматического рода (например, романские, славянские, германские), на языки, где грамматический род отсутствует или минимален (например, финно-угорские, китайский, турецкий).

Например, в переводе с русского языка на английский язык причастие «потерявший» (мужской род, определенный гендер) при переводе на английский трансформируется в «losing» или «who lost» (гендерно-нейтральное). Теряется информация о поле действующего лица, если она не указана контекстом.

Кроме того, может возникать грамматическая асимметрия, например в русском или испанском языках множественное число часто требует мужского рода при смешанной группе (например, русские студенты для группы, включающей женщин). При переводе на английский (students) эта гендерная иерархия полностью исчезает.

Далее может проявляться проблема родовой семантики. Сюда относятся термины, обозначающие профессии, титулы или роли, где один язык имеет четкое разделение, а другой – нет: например, такие термины профессии как русская пара «поэт/поэтесса» трудно перевести на английский, где доминирует нейтральное «poet». Выбор «poetess» в современном контексте может быть воспринят как архаичный или уничижительный.

При переводе служебных званий и титулов также можно видеть несоответствие. Например, перевод английского «Ms.» (гендерно-нейтральное обращение для замужних/незамужних женщин) на язык, требующий выбора

между «Госпожа» (обычно замужня) и «Барышня» (обычно незамужняя), или вовсе не имеющий аналога для такой нейтральности.

Наиболее глубокие проблемы возникают на уровне прагматики, где переводчик сталкивается с различием в социальных нормах, связанных с гендером. Например, асимметрия в коннотациях, где многие слова, формально являющиеся гендерными эквивалентами, несут разную культурную нагрузку. Конечно, я переработаю представленные примеры асимметрии коннотаций гендерных терминов в сплошной, академический текст, сохраняя при этом структуру анализа.

Проблема перевода гендерно-маркированных терминов усугубляется на уровне прагматики, где формальные эквиваленты несут совершенно разную социокультурную нагрузку. Эта асимметрия коннотаций отражает различия в гендерных ролях, социальных ожиданиях и уровне равноправия между культурой языка-источника и языка-приемника.

Один из наиболее ярких примеров касается профессиональных феминитивов. В русском языке, например, при переводе понятия женщины-ученого возникают сложности. Термин «учёный» является грамматически нейтральным (или доминантно мужским), тогда как феминитив «учёная» или особенно «докторша» может нести в старой традиции разговорный или даже уничижительный оттенок. При переводе на английский, где доминирует нейтральное «scientist», переводчику приходится выбирать между сохранением грамматического рода и избеганием негативной коннотации. Если в языке-источнике феминитив (например, «авторка» или «редакторка») является сознательным политическим или активистским выбором, его перевод нейтральным английским эквивалентом «author» или «editor» приведет к потере важного идеологического компонента текста. Аналогично, в языках, как французский, где «le chef» (мужской род) долгое время обозначало

стандарт и авторитет, перевод женского аналога «la cheffe» должен учитывать историческое сопротивление этому термину.

Перевод идиом или фразеологизмов, связанных с гендерными ролями (например, «мужской ум», «женская логика»). Дословный перевод не только исказит смысл, но и может быть воспринят как сексистский в языке-приемнике, если в нем такие стереотипы уже исключены из публичного дискурса. В русском языке существует ряд устойчивых выражений, которые приписывают определённые когнитивные и поведенческие характеристики исключительно одному из полов. Например, фразеологизм «женская логика» не просто описывает логику, присущую женщинам, но и несет устойчивую коннотацию эмоциональной, иррациональной или непоследовательной аргументации. Если переводчик дословно передаст это выражение как *"female logic"* в английском, это, скорее всего, будет воспринято как активный сексистский выпад. Функционально адекватный перевод должен сосредоточиться на передаче смысла: «a flawed/emotional line of reasoning» (непоследовательная/эмоциональная линия рассуждений).

Ему противопоставляется «мужской ум», который стереотипно ассоциируется с рациональным, аналитическим и сильным складом мышления. Переводчик должен заменить эту гендерную маркировку на универсальные качества: «sharp analytical thinking» (острое аналитическое мышление) или «sound judgement» (здоровое суждение). Стереотип о надёжности закрепляется фразой «Мужик сказал – мужик сделал». Это выражение подчеркивает нерушимость слова, но привязывает это качество к мужчине. В нейтральном языке-приемнике это должно быть переведено как «A person of their word» (Человек, держащий своё слово) или «commitment to follow through» (обязательство доводить дело до конца). В то же время, такие уничижительные поговорки, как «Курица не птица, баба не человек», требуют не перевода смысла, а демаркации: они должны быть отмечены как «highly

offensive, misogynistic saying» (высоко оскорбительное, женоненавистническое высказывание), чтобы передать их токсичный прагматический вес.

Таджикский язык, укоренённый в традиционной восточной культуре, содержит пословицы, жестко закрепляющие патриархальные нормы. Поговорка «Зани хуб – нишони хона, зани бад – офати чон» (Хорошая жена – украшение дома, плохая жена – беда для души) прямо определяет ценность женщины исключительно через её роль жены и хранительницы очага. Функциональный перевод должен убрать гендерную специфику, фокусируясь на универсальной роли супруга: «A spouse's attitude impacts the family greatly» (Отношение супруга сильно влияет на семью).

Наиболее проблематичным является стереотип о женском интеллекте, выраженный во фразе «Акли зан дар пушти сар аст» (Ум женщины находится на затылке). Эта поговорка намекает на то, что женский ум второстепенен или запоздал в суждениях. Если переводчик перенесет этот образ дословно, он имплицитно внесет в язык-приемник жесткое культурное осуждение. Чтобы избежать этого, перевод должен быть де-гендеризирован, фокусируясь на критике недостатка, а не пола: плохое суждение или близорукость понятия. Аналогично, фразеологизм «Мард дар сафар, зан дар диёр» (Мужчина в пути, женщина на месте) закрепляет традиционное гендерное разделение труда), которое в современном языке-приемнике лучше передать описательно, чем дословно.

В обоих случаях – и в русском, и в таджикском языках – переводчик должен прибегать к функциональной эквивалентности. Это означает, что цель перевода состоит в том, чтобы вызвать у читателя языка-приемника тот же эффект (например, осознание ненадёжности), который был заложен в языке-источнике, но без использования сексистского механизма. Необходимо де-гендеризировать смысл, заменяя стереотипы

на универсальные человеческие качества, такие как *рациональность*, *надёжность* или *недальновидность*. Игнорирование этого прагматического и этического шага ведёт к тому, что перевод становится не только неточным, но и культурно оскорбительным.

Многие языки традиционно используют мужской род для обозначения смешанных или неопределённых групп. При переводе возникает вопрос: следует ли сохранять эту структуру, отражающую иерархию языка-источника, или же активно гендерно-нейтрализовать текст в соответствии с прогрессивными нормами языка-посредника.

Например, при переводе предложения «Every citizen has the right...» (англ., нейтральный) на русский язык. Должен ли переводчик использовать «каждый гражданин» (традиционный доминантный мужской род) или «каждый гражданин и гражданка» (инклюзивный подход, но более громоздкий)?

Выбор здесь – это не просто лингвистическое решение, это идеологический акт, который может изменить восприятие исходного текста. С появлением и распространением инклюзивного, или небинарного, языка в ряде западных обществ возник новый комплекс проблем перевода, особенно при переводе с английского (как доминирующего языка инклюзивности) на другие языки.

Наиболее острый вызов – перевод небинарных местоимений (например, англ. *they/them* в единственном числе) на языки, где отсутствует устоявшийся грамматический механизм для нейтрального обращения к одному человеку. При таком подходе переводчик ищет приемлемые эквиваленты. В языках, где грамматика рода обязательна (французский, испанский, русский), переводчик вынужден прибегать к неологизмам или созданию новых местоимений или форм (например, использование «они/им» в единственном числе в русском, которое пока воспринимается носителями как грамматически некорректное). Или слэш-формам, то есть использование сочетания *-a/-ов* (рус.), *el/la* (исп.) и

т.п., что нарушает беглость и стилистику текста. Кроме того, уместны перифразы как замена местоимения существительным («человек», «личность»), что приводит к громоздкости.

Перевод обращений типа Мх. (нейтральный аналог Mr. и Ms.) или Folx (инклюзивный вариант Folks) требует от переводчика создания функциональных аналогов, а не дословного перевода, которые бы выполняли ту же прагматическую задачу: обеспечить уважительную инклюзивность.

Успешность перевода инклюзивного языка зависит от уровня развития общественной дискуссии о гендере в культуре языка-приемника. Если эта дискуссия только начинается, переводчик рискует сделать текст непонятным или даже смешным для целевой аудитории. Перед лицом перечисленных вызовов современная теория перевода предлагает ряд методологических стратегий для обеспечения адекватности перевода гендерных терминов.

Компенсация: если гендерная информация (например, пол действующего лица) теряется в одном месте из-за грамматических ограничений языка-приемника, переводчик может компенсировать эту потерю, добавляя уточняющую информацию в другой части предложения или текста.

Нейтрализация/универсализация: активное использование гендерно-нейтральных слов (например, person, staff, humanity) даже там, где в языке-источнике использовался гендерно-маркированный термин, с целью соблюдения современных норм языка-приемника.

Экспликация: добавление пояснений или сносок, особенно при переводе культурно-специфичных гендерных ролей или небинарных терминов, чтобы прояснить концепцию для читателя языка-приемника.

Адаптация: Замена идиом и метафор, основанных на гендерных стереотипах языка-источника, на функционально эквивалентные, но культурно нейтральные выражения в языке-приемника.

Перевод гендерных терминов – это не просто лингвистическая операция, это культурно-политический и этический акт. Переводчик выступает в роли медиатора, принимающего решения о том, в какой мере он должен:

Быть лояльным к исходному тексту (сохранять гендерную структуру языка-источника).

Быть лояльным к культуре-приемнику (адаптировать текст к современным, инклюзивным или, наоборот, традиционным нормам языка-приемника).

Успех перевода в этой области измеряется не только грамматической правильностью, но и его прагматической адекватностью и способностью сохранять смысл, избегая при этом усиления стереотипов или, наоборот, чрезмерной архаизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Б. М. Исследование фонетической и лексико-грамматической гендерно-обусловленной специфики лакского языка в сравнении с английским и русским языками // Языковое бытие человека и этноса. – 2009. – №. 15. – С. 9-13.

2. Арсентьева Е. Ф., Коноплёва Н. В. Семантические особенности фразеологизмов с маскулинной гендерной референцией в английском и русском языках // Вестник Костромского государственного университета. – 2009. – Т. 15. – №. 2. – С. 27-31.

3. Вандышева А. В. Гендерно ориентированная лексика в языковой картине мира (на материале английского, русского и немецкого языков) // Ростов-на-Дону–2007 дис. кандидата филологических наук. – 2007.

4. Влавацкая М. В., Осолодченко М. Н. Репрезентация женской идентичности в немецких неопаремиях с гендерным маркером // Филологические науки. – 2024. – Т. 17. – №. 1. – С. 117.

5. Волошина К. С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер»: (на материале английского и русского языков). – 2010.

6. Горбач А. И., Лезина Е. В. Гендерный подход в обучении лексике английского языка учащихся средней школы // Education Sciences And Psychology. – 2016. – №. 4. – С. 47-54.

7. Зиёдова С. Б., Раджапова Н. Б. Гендерная проблематика в языкознании //Tanqidiy nazar, tahliliy tafakkur va innovatsion g‘oyalar. – 2025. – Т. 1. – №. 1. – С. 419-423.

8. Кирилина А. В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. – 2019. – №. 2 (40). – С. 12-29.

9. Раджапова Н. Б., Зиёдова С. Б. Реальность: равенство между мужчинами и женщинами //Yangi O‘zbekiston, yangi tadqiqotlar jurnali. – 2025. – Т. 2. – №. 9. – С. 917-921.

10. Раджапова Н. Б. Семантика гендерной лексики в языковой картине мира (на материале русских и узбекских пословиц) //Educational Research in Universal Sciences. – 2023. – Т. 2. – №. 3. – С. 339-342.

11. Раджапова Н. Гендерные особенности в речи //Традиции и инновации в исследовании и преподавании языков. – 2023. – Т. 1. – №. 1. – С. 213-217.

12. Худойбердиева Ш. Ш., Раджапова Н. Б. Воплощение женского образа в русских пословицах и поговорках //Ta’lim, tarbiya va innovatsiyalar jurnali. – 2025. – Т. 1. – №. 7. – С. 196-199.

13. Худойбердиева Ш. Ш., Раджапова Н. Б. Выражение женской мудрости и хитрости в русском языке //Ta’lim, tarbiya va innovatsiyalar jurnali. – 2025. – Т. 1. – №. 7. – С. 200-203.

14. Худойбердиева Ш. Ш., Раджапова Н. Б. Влияние речевого поведения на восприятие женского образа //Ta’lim, tarbiya va innovatsiyalar jurnali. – 2025. – Т. 1. – №. 7. – С. 204-207.